

Т.Г. Иванова

**РЕКА ВОЛХОВ В БЫЛИНАХ
(к вопросу об исторической
памяти русского эпоса)**

В статье рассматривается гидроним «Волхов». Устанавливается его историческое содержание: Волхов в пределах Новгорода; Волхов мост; Волхов как часть пути. Исследуется мифологическое содержание гидронима во время разрушения былинной традиции: Волхов и Волх; Волхов — чужое пространство; замена Волхова Дунаем; замена Волхова моста «калиновым» мостом.

Ключевые слова: былины, Волхов, историческая семантика, мифологическая семантика, топонимы, эпос.

Tatyana G. Ivanova

**THE RIVER VOLKHOV IN BYLINAS
(to a question of historical memory
of the Russian epos)**

In the article gidronim Volkhov is considered. His historical contents is established: Volkhov within Novgorod; Volkhov bridge; Volkhov as part of a way. The mythological maintenance of a gidronim is investigated during destruction of epic tradition: Volkhov and Volkh; Volkhov — “others” space; replacement of Volkhov with Danube; replacement of Volkhov Bridge with the “kalinov” bridge.

Keywords: bylinas, Volkhov, historical semantics, mythological semantics, toponyms, epos.

Топонимы (гидронимы) в художественном пространстве русского эпоса занимают заметное и важное место. Нередко семантика топонима складывается из двух уровней: исторического и мифологического. Мы предлагаем анализ гидронима «Волхов».

1. Историческая семантика гидронима «Волхов»

Реально-географический гидроним «Волхов», без сомнения, является одним из маркеров исторической памяти русского песенного эпоса. Сказители, жившие за тысячу километров от Волхова, сохраняли в XIX–XX вв. название этой реки, тем самым подтверждая глубину исторической памяти народа.

Былины, в которых наличествует Волхов, что вполне ожидаемо, — это прежде всего новгородские сюжеты о Садко и Василии Буслаеве. В координатах оппозиции «свой / чужой» в былинах новгородского цикла Волхов, естественно, предстает «своим» пространством. Каковы же семантические значения Волхова в новгородских былинах?

1.1. Волхов — река в Новгороде. В соответствии с географической реальностью в былине «Василий Буслаев и новгородцы» Волхов рисуется как река, на которой стоит Новгород. Волхов в этой былине — это Волхов в пределах города. Все узловые моменты данного сюжета непосредственно связаны с Волховом. Так, жалуюсь матери Василия Буслаева на «шуточки» героя в играх с детьми («Кого дернет за руку — рука прочь, / Кого дернет за ногу — нога-то прочь»), мужики новгородские грозят Амельфе Тимофеевне:

Уйми-тко свое чадо милое;
А не уймешь Василья сына Буслаева,
Пихнем его в реку Волхову

[Рыбников, т. 1, № 65, ст. 17–119].

Битва дружинушки богатыря с новгородцами, как известно, происходит на Волхове-реке. К реке приходит девушка-чернавушка; здесь она видит тяжелое положение дружинушки:

Да втапоры девушка-чернавушка
Пошла-то-де по воду на Волхову-реку

[Печора, т. 2, № 238, ст. 120–121].

Ср.: [Печора, т. 2, № 237, ст. 199].

На Волхов, где бьется его дружинushка, прибегает Василий Буслаев:

Побежал-то Васька нынъ за *Волхву-реку*,
Вырывал-то дубину он из корени

[Печора, т. 2, № 238, ст. 154–155].

В результате битвы Василия Буслаева с новгородцами в Волхове вода смешалась с кровью:

Во той ли *во реченьке Волхове*
На целую на версту на мерную
Вода с кровью смешилася

[Рыбников, т. 2, № 151, ст. 261].

См. Волхов-река: [Мезень, т. 4, № 189, ст. 359].

Топоним «Волхов» является опорным словом в построении устойчивых образных формул и художественных приемов. Так, в былине о Василии Буслаеве и новгородцах имеется формула о том, что в Волхове не выпить всей воды. Эта формула вкладывается в уста старчища-пилигримища (старика Антония, старчища Ондронища и т.д.), пытающегося остановить Василия во время битвы с новгородцами. В варианте Кирши Данилова читаем:

Из *Волхова* воды не выпити,
Во Нове́-граде людей не выбити

[КД, с. 52, ст. 208–209].

Ср.: [Печора, т. 2, № 238, ст. 146–147; № 242, ст. 213–214].

На Мезени этой формулой мать героя предостерегает сына от драки с Викулой-старостой и новгородцами:

Ведь из *Волхови* тебе воды не выпить вся,
А Викулу с Новым-городом не выбить всех!

[Мезень, т. 4, № 189, ст. 237–238].

Ср.: [Мезень, т. 4, № 188, ст. 234–235].

Интересно, что мудрая мать после разговора с сыном сразу же бежит к Викуле на братчину и обращается к нему с той же формулой, но вкладывая в нее противоположный смысл:

Розрушите с Васильем нонь велик заклад!
 Ведь в *Волхове* воды не выпить вся,
 А Василья с дружиной не выбить всех!

[Мезень, т. 4, № 189, ст. 246–248].

Ср.: [Мезень, т. 4, № 188, ст. 243–244].

Волхов становится одним из образов, на которых в мезенской былине «Поездка в Иерусалим» строится многочленный отрицательный параллелизм:

Не по Волхову флигарочка шатаицсе,
 Да не белая березонька изгибаицсе,
 Да не сырой где дуб да поклоняицсе, —
 Да сын перед матушкой прощаицсе

[Мезень, т. 4, № 193, ст. 1–4; ср. № 191, ст. 1].

1.2. Волхов мост. Во многих вариантах сюжета «Василий Буслаев и новгородцы» место битвы конкретизируется — появляется Волхов мост. Напомним, что в данном случае былина также оказывается исторически абсолютно достоверна. Согласно летописям, мост через Волхов нередко становился местом разрешения конфликтов между новгородцами. Василий Буслаев договаривается с мужиками новгородскими:

Еще завтра пойдём да мы на *Волхов мост*,
 Вот на *Волхов-от мост* ведь побрátаться

[Печора, т. 2, № 240, ст. 21–22].

В пудожском варианте сказителя, вошедшего в науку как Колодозерский старик, Василий говорит своей матери:

Я ударил с мужикамы о велик заклад —
 Идти с утра на *Волхов мост*;

Хоть свалят меня до моста,
 Хоть свалят меня посеред моста —
 Вести меня на казень на смертную,
 Отрубить мне буйна голова

[Рыбников, т. 2, № 169, ст. 188–194].

Соответственно у Волхова моста собираются новгородские мужики [Печора, т. 2, № 240, ст. 79]; на Волхов мост приходят Потапюшка Хроменький и Костя Новоторженин, дружинники Васьки, и начинают битву (ст. 84); от Волхова моста бежит к Ваське девушка-чернавушка, чтобы сообщить герою о начавшейся битве (ст. 98); туда же бежит сам Василий Буслаев (ст. 114); на Волхов мост приходит старчище Андронище, чтобы остановить Ваську (ст. 137); сюда же прибегает мать богатыря (ст. 160). См. Волхов мост: [Печора, т. 2, № 242, ст. 153, 237; Мезень, т. 4, № 190, ст. 25, 28, 33] (прозаический вариант); Волховский мост [Гильфердинг, т. 3, № 284, ст. 780].

В пудожском варианте Н. Прохорова находим несколько иную формулу — «мостик / мосточек Волховский»:

Пойдем же драться *на мостик на Волховский*,
 На тую на реченьку на Волхову

[Рыбников, т. 2, № 126, ст. 60–61; ср. ст. 67–68, 80–81].

В кижской былине появляется формула «мосточек на Волхове». Девушка-чернавушка говорит Василию Буслаеву:

А бьется твоя дружина хоробрая
 На том ли *на мосточке на Волхове*:
 И проломаны буйны головы

[Рыбников, т. 1, № 65, ст. 172–174].

См. формулу «мосточек Волховой»: [Гильфердинг, т. 1, № 54, ст. 63, 69, 80, 95, 143, 178–179, 205, 208].

В былине сказителя Калики из Красной Ляги (на р. Онеге) Волхов мост, помимо функции локуса, на котором происходит битва, выполняет еще одну роль: Василий Буслаев подбрасывает на Волхов

мост письмо, в котором, желая набрать дружинишку, зовет к себе пить зелено вино «татей-воров-разбойников» [Рыбников, т. 2, № 198, ст. 52].

1.3. Волхов — часть водного пути, знакомого новгородцам. Помимо сугубо новгородского пространства былина знает Волхов как часть водных путей. Сказители, жившие в начале XX в. на Мезени и в других местах, далеких от Волхова, сохраняли достоверную память о реальных водных путях, в которые входила эта река. Первый путь от Волхова, хорошо знакомый новгородцам, шел на запад: Волхов — Ладожское озеро — Нева — море. В мезенской старине «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» читаем:

Дак поплыл Васильюшко *по Волхову*
 Да на тоё *на озёро на Ладужско*,
 Да поплыл Васильюшко *по матушке Неве-реке*
 Да выплыл Васильюшко *на синё морё*

[Мезень, т. 4, № 193, ст. 26–29].

Споря с новгородцами о богатстве, другой новгородский герой — Садко — строит тридцать кораблей, нагружает их купленными новгородскими товарами и западным путем, согласно варианту сказителя А.П. Сорокина, идет в Золотую Орду:

Поехал Садке *по Волхову*,
 Со Волхово *во Ладожско*,
 А со Ладожско *во Неву-реку*,
 А со Невы-реки *во сине море*

[Рыбников, т. 2, № 135, ст. 173–176;

Ср. в записи А.Ф. Гильфердинга от того же сказителя А.П. Сорокина: [Гильфердинг, т. 1, № 70, ст. 306–309].

Разумеется, мы не утверждаем, что данные былинные строки отражают реальный путь новгородцев в Иерусалим или Золотую Орду. Однако былинная связка Волхов — Ладожское озеро — Нева — море полностью отвечает географической реальности.

Западный путь от Волхова в былинах может быть представлен в сокращенном, свернутом виде. В одном из мезенских вариантов

былины о Василии Буслаеве (контаминация сюжетов «Василий Буслаев и новгородцы» и незаконченная «Поездка в Иерусалим») путь из Новгорода в Иерусалим изображается следующим образом:

Подогнули паруса полотняны —
Пошли *рекой Волховой*,
Вышли *в море во Виранское*

[Мезень, т. 4, № 189, ст. 460–462].

Водные компоненты «Ладожское озеро» и «Нева» выпадают и из другого мезенского варианта, причем Волхов здесь из художественного текста уходит в текст сказительской ремарки, что тем не менее свидетельствует о напряженности исторической мысли носителей фольклорной традиции. Василий Буслаев плывет в Иерусалим:

Ототкинули притычины серебряны,
Подогнули паруса полóтнены,
(*Волхов-реку проехали!*)
Вышли *в море во Виранское*

[Мезень, т. 4, № 188, ст. 446–448].

Возвращение дружины Василия Буслаева из Иерусалима рисуется следующим образом:

Синее море произойдучись,
Вышли *в море во Виранское*,
В устье реки *Волхови*

[Мезень, т. 4, № 188, ст. 654–656].

В былиноведческой литературе имеется толкование топонима «Виранское море». Былинное Виранское / Вирянское / Веряйское море, встречающееся в старинах о Соловье Будимировиче, П. Милюков возводит к Wironia / Wirland — поморская территория Эстляндии при впадении р. Нарвы в Финский залив [Милюков 1900: 314–315]. Былинное Виранское море — это часть реального Балтийского моря. Таким образом, историческая память былин сохранила западный водный путь от Волхова с высокой степенью точности.

В былинной традиции прочитывается также путь с Волхова на восток: река Волхов — (Ладожское озеро, не названо) — река Свирь. Предупреждая сына о грозящей ему опасности, мать в старине «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» говорит ему:

Молодёшенек ты, лет шестнадцати,
Не съездить тебе прямой дорожкой.
Ехать надо *по Волхову*.
С *Волхова* надо ехать на *Сви́ру-реку*.
По *Свиры-реки* есть шатёр быстёр...

[Печора, т. 1, № 143, ст. 12–16].

Подчеркнем еще раз: Волхов в русском эпосе предстает прежде всего реальной рекой. Содержание этого гидронима в былине достоверно отвечает и географии, и истории.

2. Мифологическая семантика гидронима «Волхов»

Однако историческая компонента в гидрониме «Волхов» не является единственной. Полная семантика гидронима определяется синусоидой «мифологическое — историческое — вторично мифологическое», а также колебаниями оппозиции «свой — чужой».

Изначальная мифологическая составляющая в гидрониме «Волхов» определяется водной природой объекта. Река на мифологическом уровне, как известно, мыслится путем в иной мир, границей, разделяющей пространство на «свое» и «чужое»; река представляется опасной стихией. Речной (текучей) воде приписывается магическая и лечебная сила [Виноградова 2009: 417–419]. Мифема «река», напомним, входит в круг этиологических мифов. В русском эпосе мотив происхождения рек из крови богатырей связан с Дунаем и Сухманом. Однако подчеркнем, что в былинном Волхове мифологические основы оказываются свернутыми. На первый план в этом гидрониме, без сомнения, выступает раскрытое нами выше историческое содержание.

Однако выхолащивание исторической памяти, неизбежное на поздних этапах жизни былинного эпоса, нередко приводит к забвению географического названия «Волхов». Былинная традиция демонстрирует нам примеры такого рода в старинах о Василии Буслаевиче и Садко. Во многих вариантах сохраняется память о Новго-

роде, но исчезает гидроним Волхов. Таковы варианты «Василия Буслаева» [Гильфердинг, т. 1, № 30 (Повенец); Гильфердинг, т. 3, № 321 (Петербургская губ.); варианты «Садко» [Гильфердинг, т. 2, № 146 (Кижь); № 174 (Выгозеро)] и др.

Выхолащивание исторической памяти, неизбежное на поздних этапах жизни былинного эпоса, приводит не просто к забвению самого географического названия Волхов, но и к размыванию его семантики, причем в процессах этого размывания в содержании гидронима начинает выявляться древнее мифологическое значение реки. Процессы вторичной мифологизации географического названия «Волхов» отражаются на разных уровнях, которые мы и попытаемся рассмотреть.

2.1. Волхов и Волх. Обратим внимание на одну из трансформаций имени «Волхов». В отдельных случаях Волхов в былинном языке превращается в форму «Волх» («Вольх»). Так, в сборнике Кириши Данилова в старине «Садков корабль стал на море» герой возвращается из подводного мира:

Он очутился под Новым-городом,
А левая нога во Волх-реке

[КД, с. 181, ст. 147–148].

См. также:

И гледит Садко по Волх, по Волх-реке:
От тово синя моря Хвалынскова
По славной матушке Волх-реке
Бегут-побегут тридцать кораблей

[КД, с. 182, ст. 154–156].

В былине «Про Василья Буслаева» из этого же сборника читаем:

А и та-та девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду

[КД, с. 51, ст. 175–176].

Форма «Волха-река» встречается в пинежской былине Т. Шибанова:

Заутра идти битьсе-рубитьсе на Волхов мост,
На Волхов мост да ко *Волхи-реки*

[Пинега, т. 7, № 76, с. 71–72,
ст. 119–120, 124–125, 131–132, 152, 165, 187].

Не претендуя на решение вопроса об этимологии слова «Волхов» и, следовательно, не поддерживая вслед за М. Фасмером [Фасмер 1986: 346] гипотезу А.Л. Погодина [Погодин 1911: 37], сближавшего название «Волхов» с финским «*velho*» («волшебник»), мы можем предположить, что форма «Волх» в сознании былинщиков могла ассоциироваться со словом «волхв», то есть «волшебник», «колдун». Тем самым при трансформации нормативного «Волхов» в форму «Волх» в этом слове актуализируются мифологические значения.

2.2. Волхов — чужое пространство. Интересно отметить, что Волхов в русском эпосе может нагружаться семантикой «чужого» пространства, что, напомним, соответствует мифологическому содержанию водного пространства. В одном из печорских вариантов «Поездки Василия Буслаева в Иерусалим» [Печора, т. 2, № 243, с. Усть-Цильма] Волхов из «своей», новгородской, реки превращается в реку «чужую», опасную. Вещая мать предупреждает героя об опасности поездки в Иерусалим:

Поедешь ты *по матушке Волхове* —
Есть там три за́ставы великия:
Перва за́става — живут мужички да новотокмяна <...>
Другая за́става есть великая —
Субой быстёр, да вал густой.
Третья есть за́става великая —
На горах стоят кресты евангельски

[Печора, т. 2, № 243, ст. 32–41].

Соответственно Василий Буслаев и его спутники на пути в Иерусалим на Волхове быстрой реке встречаются с первой заставой, где сталкиваются с мужичками-новотокменами (ст. 77). На обратном пути из Иерусалима они опять

Бежат по матушки по Волхове
 Ко горам высоким, крестам евангельским,
 Видит Васинька — лежит у крестов сер-горюч камень
 [Печора, т. 2, № 243, ст. 129–131].

Волхов, таким образом, оказывается прочно вписан в комплекс локусов «чужого» мира: горы, сер-горюч камень, у которого Васька Буслаев находит свою смерть. Обратим внимание, что в этой старине наличествует оппозиция двух рек: Волхов / Ёрдань (Иордань). В Ерусалиме-граде Василий Буслаев поклоняется гробнице Господней, а потом идет купаться на Ёрдань-реку. Ёрдань, без сомнения, как и любая река, на мифологическом уровне связана с «иным» миром, однако главным в ее семантике является не мифологическая (языческая) иномирность, а христианская святость. В реке нельзя купаться, так как в ней крестился сам Иисус Христос: «У нас в Ёрдань-реке не купаются — обливаются» [Печора, т. 2, № 243, ст. 124]. Волхов же в рассматриваемой печорской старине предстает исключительно мифологической опасной рекой.

Интересен печорский вариант «Дюка Степановича» [Печора, т. 1, № 143] — былины, не входящей в новгородский цикл былин. Здесь Дюк Степанович, едущий из неназванного города в Киев, на реке Волхов сталкивается со змеей лютой, о которой его предупреждала вещая мать:

Приехал к реки Волхову
 И увидел шатёр быстёр и поворот крутой,
 И увидел тут змею лютую
 [Печора, т. 1, № 143, ст. 52–54].

Как и полагается богатырю, Дюк Степанович убивает змею стрелочкой. Волхов, таким образом, и здесь реализует семантику опасной реки. В старине о Дюке Степановиче, как и в сюжете «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», также наличествуют две реки. Днепр, в отличие от Волхова, предстает скорее рекой «своего» мира. Через Днепр скачут сопровождающие Дюка киевляне, направляющиеся к нему на родину, чтобы описать его имущество:

Приехали они на Днепр-реку́,
Говорит тогда Дюк Степанович:
«Скаците через Днепр-реку́...»

[Печора, т. 1, № 43, ст. 136–138].

Отголоски опасной реки Волхов в былине «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» мы находим в отрывке, записанном в 1927 г. в верховьях Пинеги:

С далеча, из Галича,
С Замостья крепкаго,
Да из той Корелы из богатые,
Из той пустыни из Даниловой,
Из Даниловой,
Боярской сын да Дюк Стёпанович.
Он дралсе-боролсе на реке на Волхове-й

[Пинега, т. 7, № 175, ст. 1–7].

Функцию «чужой» реки Волхов выполняет в одном из вариантов еще одного не-новгородского сюжета — «Вольга и Микула» [Рыбников, т. 2, № 116, Пудога]; здесь перепутаны имена: Вольга выполняет функцию Микулы, а Микула — Вольги. Уже после эпизода с сошкой князь Микула Селянинович с дружиной и присоединившийся к ним пахарь Вольга Святославгович направляются в города Грушевец и Ореховец за данью. Грушевские и ореховские мужики делают «мосточки поддельные», мосточки ломаются, дружина князя оказывается в реке Волхове и начинает тонуть. Тогда Вольга и Микула скачут через реку и «чествуют» (плетью нахлестывают) мужиков:

Тут-то Микулушка Селянинович.
Тут-то Вольга Святославгович
Приправили своих добрых коней
За тую за реченьку Волхову.
Скочили их добры кони
За тую за реченьку за Волхову

[Рыбников, т. 2, ст. 67–72].

Во всех приведенных примерах наглядно видны процессы разрушения былины — и на уровне текста (пинезская былина записи 1927 г. — это отрывок), и на уровне былинной семантики (новгородская река Волхов попадает в южнорусский сюжет о Дюке Степановиче). Однако мы хотели бы подчеркнуть, что при забвении эпической традиции в гидрониме «Волхов», в котором явно в период расцвета эпоса доминировало историческое значение, начинает выявляться, выходить на первый план, прорастать из свернутого состояния мифологическое содержание. Происходит вторичная мифологизация топонима реки. Волхов, превращаясь в чужую, опасную реку, восстанавливает архаичную мифологическую семантику.

2.3. Замена Волхова Дунаем. Имеются и другие тенденции в процессе выхолащивания исторического содержания в топониме «Волхов»: наблюдаются примеры замещения реально-исторического (реально-географического) новгородского Волхова мифологическим Дунаем. Соответственно девушка-служаночка в одном из толвуйских вариантов «Василия Буслаевича» идет не на Волхов, а на Дунай-реку:

Идет девушка, идет служаночка,
На Дунай-реку идет по воду

[Гильфердинг, т. 1, № 44, ст. 70; Толвуй].

В кенозерском варианте также наличествует Дунай-река, но при этом сохраняется память о Волхове мосте:

И пошли оны да и на Волхов мост
И биться-то драться с Новым-градом,
И с тем ли новогороцкием старостой.
Оны билися ровно три ведь дня,
И эта-то девка чернавушка
И выходила на Дунай-реку

[Гильфердинг, т. 3, № 286, ст. 97–102].

Очевидно, что замещение Волхова Дунаем, при всей картине «порчи», как ее определяли представители «исторической школы»,

обусловлено логикой фольклорного сознания. Для славянской традиционной культуры Дунай — топоним в большей степени мифологический, чем историко-географический. Дунай в общеславянской традиции заключает в себе представление о водном пространстве, границе между своим и иным миром, дороге в иной мир. В свадебной поэзии пересечение Дуная является символом брака. С Дунаем связана также тема смерти [Мачинский 1981: 110–171; Петрухин 1999: 146–147].

В былинах Дунай не утрачивает свою мифологическую сущность. В сюжете «Дунай-сват», как известно, сохраняется этимологическая сущность мифа: после трагического спора с женой Настасьей-богатыршей богатырь Дунай кончает с собой, а из его тела протекает река Дунай [Мезень, т. 4, № 114, ст. 341–342; № 119, ст. 241–243; № 120, ст. 291; № 123, ст. 323–325; № 124, ст. 316–318; № 126, ст. 167; № 127, ст. 174; № 131, ст. 257–259; Кулой, т. 6, № 39, ст. 381–385; № 49, ст. 274].

В одном из вариантов былины «Потык» герой спасает из пламени деток малых змеи лютой, зачерпнув сапогом воды из Дунай-реки [Печора, т. 2, № 260, ст. 168–176]. Мифологический характер этой сцены с ее иномирной (магической) водой здесь очевиден. Из-за «славной из-за матушки Дунай-реки», в нарушение географической достоверности, но абсолютно в соответствии с мифологической логикой (с чужой стороны), наезжают татары с калмыками, полонившие сестру Козарина [Пинега, т. 7, № 88, ст. 1]. В кулойской старине о сорока каликах калики перед отправкой по святым местам «во Дунай-реки да окупалисе» [Кулой, т. 6, № 77, ст. 3], то есть смыли с себя все греховное, чтобы приобщиться к сакральному миру Иерусалима. В мезенской старине о Соловье Будимировиче герой — жених для Запавы Путятишны, — как и в свадебном фольклоре, рисуется приехавшим издалека: на кораблях приходит «з-за моря, моря Дунайского» [Мезень, т. 4, № 151, ст. 1]. В былинном Дунае, повторим еще раз, актуализируется большинство мифологических значений Дунай-реки.

Замена исконного Волхова Дунай-рекой, таким образом, демонстрирует одну из стратегий реконструкции мифологической семантики образа (река), нагруженного в эпическом пространстве историческим смыслом. Отметим, кстати, что модель «историко-

географический гидроним → мифологический Дунай» прочитывается не только в случае с Волховом, но и в некоторых примерах с Днестром. В печорском варианте былины «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» [Печора, т. 1, № 141, ст. 315–341] богатыри, находясь в Киеве, вместо исконной Днестры-реки скачут через Дунай-реку. Таким образом, выявление в реальной реке древнего мифологического содержания — явственная стратегия в русском эпосе на этапе разрушения традиции.

2.4. Замена Волхова моста «живым» и «калиновым» мостом.

Те же процессы выхолащивания исторического содержания мы наблюдаем и в связи с топонимом «Волхов мост». В кижском варианте Т. Иевлева «Волхов мост» превращается в «Обухов мост» (явно испорченный топоним). Столкновение Василия Буслаева с «крестным батюшкой» происходит на мосту:

Его дядька, крестный батюшко,
Тут сорвал он колокол девяносто пуд,
Надел он себе на головушку,
Идет-то он да на *Обухов мост*,
Языком-то он подпирается,
Обухов мост да нагибается <...>
Спихнул он дядьку под *Обухов мост*

[Рыбников, т. 1, № 73, ст. 96–107].

Ср. в записи А.Ф. Гильфердинга от того же сказителя Т. Иевлева: [Гильфердинг, т. 2, 103, ст. 89, 91, 99, 106].

С другой стороны, как и в случае «Волхов → Дунай», имеются примеры усиления мифологического содержания образа моста. Мифологическая семантика моста (переход через мост как преодоление границы между мирами; переход душ на «тот свет» по мосту; переход как изменение статуса девушки в свадебном обряде; переход колядовщиков через мост и т.д.) [Виноградова 2004: 303–307] актуализируется в некоторых вариантах былины о Василии Буслаеве посредством эпитетов. Так, в мезенском варианте появляется формула «живой мост». Василий Буслаев бьется о велик заклад с Викулой и новгородцами:

Побиться, подратьця у чудна́ крестá,
 У чудна́ крестá, у жива мостá,
 У матушки да реки Волхови

[Мезень, т. 4, № 189, ст. 203–205].

Ср. формулу с «живым мостом»: [Мезень, т. 4, № 189, ст. 230–232, 258–260, 270–272, 281–283, 300–302, 354–356; № 188, ст. 204–206, 227–230, 254–256, 266–268, 277–279, 346–348].

Думается, что эпитет «живой» здесь вокативно отсылает носителей фольклорной традиции к «живой воде» — атрибуту иного мира.

В одном из кенозерских вариантов «Василия Буслаевича и новгородцев» реально-исторический топоним «Волхов мост» замещается сказочно-мифологическим «калиновым мостом». Напомним, что на калиновом мосту происходит бой сказочного богатыря со Змеем (ср. СУС 300А «Бой у калинова моста»). Василий Буслаев и новгородцы решают

Бой чинить на мосту на калиновом,
 Да на славной на речке на Волхови

[Гильфердинг, т. 3, № 259, ст. 42–43].

Ср.:

Выходил-то Василий Буславьевич на калинов мост,
 На ту ли на речку на Волхово

[Гильфердинг, т. 3, № 259, ст. 74–750; ср. ст. 95].

Таким образом, при выхолащивании исторического содержания (реально-исторический Волхов мост) в былине в некоторых случаях восстанавливается мифологическое значение моста как локуса, соединяющего наш и иной мир.

Повторим: анализ гидронима «Волхов» в художественном пространстве былинного эпоса позволяет выявить своеобразную синусоиду: изначальное «мифологическое» (река) (для Волхова остается за пределами известной нам былинной традиции) — «историческое» (Волхов, Волхов мост) (отражает классическое состояние былинной традиции) — «вторично мифологическое» (Дунай, «живой», калинов мост) (отражает затухание былинной традиции).

Источники

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Изд. подгот. А.И. Никифоров и Г.С.Виноградов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 736 с.; 1950. Т. 2. 732 с.; 1951. Т. 3. 671 с.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с.

Кулой — Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю.И. Марченко, Ю.А. Новиков, Л.И. Петрова, А.Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 922 с. (Свод русского фольклора: Былины; Т. 6).

Мезень — Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подготовили А.А. Горелов, Т.Г. Иванова, А.Н. Мартынова, Ю.И. Маченко, Ю.А. Новиков, Л.И. Петрова, А.Н. Розов, Ф.М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004. Т. 4. 714 с. (Свод русского фольклора: Былины; Т. 3–5).

Пинега — Былины Пинеги / Изд. подгот. Т.Г. Иванова, А.Ю. Кастров, М.В. Рейли. СПб.; М.: Наука, 2012. 973 с. (Свод русского фольклора: Былины; Т. 7).

Печора — Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, А.Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод русского фольклора: Былины; Т. 1–2).

Рыбников — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. 527 с.; 1990. Т. 2. 640 с.; 1991. Т. 3. 365 с.

Библиография

Виноградова Л.Н. Мост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2004. Т. 3. С. 303–307.

Виноградова Л.Н. Река // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4. С. 417–419.

Мачинский Д.А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской мифологии и истории // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / Отв. ред. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1981. С. 110–171.

Милуков П. Что такое «море Вирянокое» и город «Леденец»? (Справка к вопросу о времени и месте происхождения былины о Соловье Будимировиче) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 314–315.

Петрухин В.Я. Дунай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1999. Т. 2. С. 146–147.

Погодин А.Л. Из области русско-финских отношений. I. Волх Кургуп // Изв. Отделения рус. яз. и лит. Императорской Академии наук. 1911. Т. 16, кн. 4. С. 37.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

References

Vinogradova L.N. Most. Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': Vol. 1–5. Ed. N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3. Pp. 303–307.

Vinogradova L.N. Reka. Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': Vol. 1–5. Ed. N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4. Pp. 417–419.

Machinskii D.A. “Dunai” russkogo fol'klora na fone vostochnoslavianskoi mifologii i istorii. Russkii Sever: Problemy etnografii i fol'klora. Otv. red. K.V. Chistov, T.A. Bernshtam. Leningrad: Nauka, 1981. Pp. 110–171.

Miliukov P. Chto takoe “more Virianskoe” i gorod “Ledenets”? (Spravka k voprosu o vremeni i meste proiskhozhdeniia byliny o Solov'e Budimiroviche). Iubileinyi sbornik v chest' Vsevoloda Fedorovicha Millera, izdannnyi ego uchenikami i pochitateliami. Moscow, 1900. Pp. 314–315.

Petrukhin V.Ia. Dunai. Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': Vol. 1–5. Ed. N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999. Vol. 2. Pp. 146–147.

Pogodin A.L. Iz oblasti russko-finskikh otnoshenii. I. Volkh Kurgup. Izv. Otdeleniia rus. iaz. i lit. Imperatorskoi Akademii nauk. 1911. Vol. 16, kn. 4. P. 37.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: per. s nem. Moscow: Progress, 1986, vol. 1. 576 p.